

Глава 1

— Если мужчине предстоит серьезный разговор, он думает о том, что скажет, если женщине предстоит серьезный разговор, она бежит выбирать платье.

Маша посмотрела на Феликса, только что произнесшего эту фразу.

— Ну в нашем конкретном случае ты не прав, похоже, Дегтярева совершенно не волнует то, о чем он будет беседовать с начальством, и...

Договорить Манюне не дал полковник, он вбежал в гостиную с куском коричнево-фиолетовой ткани в руке.

— Что это? — закричал Александр Михайлович.

— Какая-то тряпка, — пожала я плечами.

Толстяк встряхнул «тряпку».

— Ой, это брюки, — удивился Маневин, — цвет немного... э... депрессивный. Но зимой вполне сойдет. Чьи они? Манечка, твои штанишки?

— У меня такого ужаса никогда не было, — возмутилась Маруся, потянулась к коробке, взяла конфету и уронила ее.

К шоколадке немедленно кинулась собака Мафи, она всегда следит во все глаза — не упадет

ли на пол что-то вкусное. Но Мафушу совершенно неожиданно опередил мопс. Апатичный Хучик, который ходит медленно, с видом монаршей особы, на сей раз проявил чудеса ловкости вкупе со скоростью и слопал трюфель в тот момент, когда Мафуша подлетела к столу. На морде Мафи появилось выражение искреннего недоумения, в глазах застыл вопрос: «Эй, что происходит? Я прекрасно видела, как вкуснотень спланировала на пол».

— Это мой выходной костюм, — заявил Дегтярев.

— Я вижу только брюки, — сказал Феликс.

— Похоже, ты в них в последний раз выходил на парад в честь победы войск Кутузова над Наполеоном, — хихикнула Манюня, — вид у штанешек... э... слов не могу подобрать.

— Антикварный, — подсказал мой деликатный профессор.

— Жуткая шмотка, — вздохнула Манюня, — думаю, что десять первых ее владельцев скончались от глубокой старости.

— Обноски — устаревшее понятие, — загудел Маневин, — так говорили до девяностых годов прошлого века. Нынче это слово исчезло из обихода. В наши дни то, что висело в гардеробе пятнадцать лет в ожидании, когда хозяйка похудеет, называется винтаж и стоит дороже нового.

— Костюм новый, я надевал его один раз, — возмутился полковник.

— Когда? — искренне удивилась я.

— В день получения диплома о высшем образовании, — заявил Дегтярев, — он прекрасного качества, производства ГДР, ему сносу нет. Материал настоящая шерсть. Костюм отлично сидит.

Юра оторвался от компьютера.

— А почему ты его не носил?

Полковник встряхнул ужасные брюки.

— Он достался мне по благу. Стоил дорого. Я, когда за ним в подвал шел, в темноте споткнулся о трубу канализации и упал. Но это не помешало мне костюм забрать, я схватил пакет и дал деру. Лечу к подземке и думаю: «Что там? Какой цвет? Фасон?» В метро испугался: вдруг он клетчатый? Или в черно-белую полоску? Дома с замиранием сердца развернул обертку. О! О! О! Шедевр! Мечта! Я оказался самым модным на курсе! Даже у ректора костюм был хуже!

Глаза Юры расширились.

— Ты его украл?

Александр Михайлович вскинул подбородок.

— Более идиотского вопроса никогда не слышал. Хоть и разных людей встречал. Я? Украл? Я, отдавший жизнь борьбе с нарушителями закона? Я спер? Юра, очнись!

— Извини, — промямлил мой зять, — ну... ты так вдохновенно описал процесс: подвал, темнота, труба канализации, упал, взял пакет, ты не знал, что в нем. Вот я и решил, что ты стырил костюм и ушел огородами. А что такое благ?

Я стиснула зубы, чтобы душивший меня смех не вырвался наружу.

— Блат? — повторил Маневин. — Ах, блат!

— Полковник сказал: получил по блату, — пустился в объяснения Юра. — Ты заказал костюм за границей? Это онлайн-покупка? Ты не видел фото в каталоге, поэтому не знал, какой у него цвет?

— Юра, блат — это не название интернет-магазина, — заговорил Феликс, — блат — это отношения людей. В советское время в магазинах почти не было качественных товаров.

— Помню, — кивнул Юра, — мы с мамой стояли за сливочным маслом, мне, наверное, было лет пять, на моей ладошке какая-то тетка номер написала. А я расстроился, стал плакать...

— Ты вспоминаешь начало девяностых, — остановил его Феликс, — а я о более ранних временах говорю. Купить в семидесятых годах, например, импортный мужской костюм можно было только по блату. Допустим, ты покупатель, а я продавец в магазине одежды. Ты приходишь и спрашиваешь: «Где можно найти Феликса?» Отвечаю: «Это я». Ты продолжаешь: «Здрате, я племянник Марии Ивановны из детской поликлиники. Она вашему сыну Вадику зубы лечит. Мне нужен выходной костюм». Я говорю: «Есть двойка из ГДР и из Финляндии. Вторая дороже». Ты выберешь что-то, узнаешь цену, и мы обменяемся. Ты получишь пакет, я денежки. Недешево тебе обновка обойдется, ценник выше, чем в торговом зале, но в магазине жук и жаба на вешалках. А если что-то вдруг «выбросят» на прилавок, люди стоят в очереди целый день. Вот это блат.

Покупка по знакомству. И чаще всего операция «деньги-товар» проходила в подвале, в подсобке, в туалете. Не на глазах у всех.

— Понимаю, ты хранил брюки как память о молодости, — сказала я. — Но зачем сейчас их вытащил?

— Если кто забыл, у меня скоро день рождения, — надулся Дегтярев.

— Помним, — хором ответили все.

— Хочу праздника! — заявил Александр Михайлович.

— До юбилея еще далеко, — удивилась я.

Полковник налетел на меня, как дятел на гусеницу.

— По-твоему, я имею право весело проводить время с гостями раз в десять лет?

— Ты неправильно меня понял, — возразила я.

— А как еще можно интерпретировать слова «до юбилея еще далеко»? — надулся Дегтярев.

— Просто я удивилась, — стала оправдываться я, — знаю, что ты терпеть не можешь гостей, всегда сердиться, когда я собираю компанию, которая тебя поздравить хочет. До твоей даты больше полугода.

— Хочу праздника, — повторил толстяк, — чтобы было много людей, подарки, все меня хвалили бы, пили за мое здоровье.

— Прекрасная идея, — обрадовалась я и осеклась. — Эй! Никак ты задумал нарядиться в день рождения в брюки, которые сейчас притащил?

— А что? — покраснел Дегтярев. — Чем ты опять недовольна?

— Ну... они катастрофически тебе... — начала я.

— ...плохо смотрятся, — перебила меня Манюня, — они не модные. Широкие у талии. Заужены книзу. С манжетами. Лучше их спрятать. Через десять лет они снова будут на пике моды, и ты их выгуляешь.

— Да? — протянул полковник. — Такие сейчас не носят?

— Жуть фиолетовая, ее похоронить надо, — неожиданно снова брякнул всегда молчаливый Юра. — Ой!

Услышав последнее восклицание, я догадалась, что Манюня или незаметно ущипнула мужа за бок, или наступила ему под столом на ногу.

— Помнишь, со мной в одном классе училась Рита Головина? — зачастила Манюня. — Она сейчас байер, поедem к ней завтра, подберем тебе прекрасный костюм. Ритка скидку сделает.

— Конечно, помню ее, — кивнул полковник, — очень даже хорошо помню.

Мне стало смешно. Если учесть, что Александр Михайлович был в школе у Маши от силы два раза за все годы ее учебы, то он непременно, конечно же, вспомнил, о какой Манюниной подруге идет речь. Когда Дегтярев врет, у него слегка косит левый глаз, он и уехал сейчас в эту сторону.

— Но я не надену кожаный комбинезон с капюшоном, — выпалил толстяк.

— И правильно, — одобрил Маневин, — это не твой стиль.

— А кто говорил о таком наряде? — изумилась Маша.

— Ты, — удивился полковник, — решила познакомиться меня с девушкой-байкером.

— Байером, — по слогам произнес Маневин, — слова похожи, но Рита не фанатка мотоциклов. Байер закупает вещи за границей и привозит их для продажи в Москву. Люди этой профессии диктуют моду, от них зависит, что обычные граждане носить будут.

Маруся хотела продолжить, но не успела, потому что в комнату со словами:

— Простите, на дорогах сплошные пробки, — вошла женщина в дорогом костюме от Шанель, на плече у нее висела новая вариация сумки Диор, такая стоит около десяти тысяч евро, в ушах сверкали серьги с бриллиантами, на пальце было кольцо им в пару. По самым скромным подсчетам, гостья оделась-украсилась не на один миллион рублей.

Она окинула нас взглядом и продолжила:

— Ждали меня? А вот и он!

Незнакомка поставила на пол нечто круглое, смахивающее на небольшой перевернутый тазик из нержавейки. Она стукнула его ладонью.

— На сердце рана у меня, на сердце рана, — визгливо завопил тазик и резво поехал в сторону Манюни.

Она живо поджала ноги. Странный агрегат прокатился под ее стулом и направился в сторону гостиной, распевая что есть сил:

— Моя любовь полна травой...

— Неправильные слова, — заметил Маневин, — в оригинале «твоя любовь полынь-трава».

— Что это? — спросила я. — И как вы в дом попали?

Глава 2

— Так дверь у вас нараспашку, вы ждете меня, и вопрос «что это?» меня немного удивляет, — выпалила незнакомка, — это же он, тот, что вам нужен, автономный электронный уборщик дома, экономит грузовик нервов и денег. То, о чем вы мечтали! В доме есть горничная?

— Сейчас нет, — грустно призналась я, — никак не могу подобрать подходящего человека.

— Ну и зачем она вам? — спросила гостя. — Наймете бабу, а та окажется воровкой, алкоголичкой-тихушницей, украдет деньги, перебьет посуду, начнет подкатывать к вашему мужу!

Дама показала пальцем на полковника.

— Разве он откажется от гнилого яблока, которое само в руки падает? Результат? Обкрадена хозяйка по всем фронтам: ни денег, ни брака, ни косметики, ни продуктов. О как! А наш уборщик с вашим супругом спать не будет!

— Перестаньте в меня пальцем тыкать, — разозлился Дегтярев, — я не женат на Дарье.

— А зря, — пропела тетка, — упускаете свое счастье.

— Настало лето, знойное лето, — завыл аппарат и наехал на Мафи.

Мирно спавшая псинка вскочила, шарахнулась в сторону и налетела на журнальный столик. Тот незамедлительно упал. Послышался стук. По полу рассыпались шахматы, в которые играют Феликс и Юра, детектив Смоляковой, его положила туда я, и Дуняшина бутылка с компотом.

— Немедленно остановите свой агрегат, — потребовала я.

— А как еще продемонстрировать его идеальную работу? — спросила дама. — Обратите внимание! Все рассыпалось? И! И! И!

Из «тазика» высунулось что-то вроде шланга с широким раструбом. Песня стихла, вместо нее послышалось тихое причмокивание.

— Хуч! — возмутилась я. — Ты опять грызешь плед? Поверь мне, он не вкусный.

— Хучик сидит у меня на коленях, — сказал Маневин, — и ведет себя идеально.

— А кто чавкает? — спросила я.

— Бутылка с компотом! — подпрыгнула Маруся. — Он ее сожрал. Во дает!

— Кто? — осведомилась я.

— Ваш электронный помощник, — гордо пояснила тетка, — и не съел, а убрал. У вас тут все расшвыряно. Порядка нет, сейчас мы его наведем.

— Шахматы! — ахнул Юра. — Теперь пылесос их лопают. Эй, а ну отдай.

— Где мои брюки?! — завопил полковник.

— На тебе, — успокоила я его.

— Нет, нет, — засуетился Дегтярев, — я имел в виду костюмные. Висели на спинке стула, а теперь нет их!

Раздался гудок паровоза.

— Что это? — вздрогнула я.

— Мой телефон, — объяснила незнакомка, — я специально звонок такой поставила, чтобы слышать клиентов. По сто раз в день меня беспокоят! Остался последний уборщик. Берите, а то его другие купят. Алло!

— Где мои брюки? — недоумевал Александр Михайлович.

— Эй! Прекратите разбой, — попросил Маневин. — Он шахматы съел.

— Новая Смолякова! — закричала я. — Еще прочитать не успела!

— Музыкальный привет вам. Иги-иги-иги-го-го-го, — запел пронзительный голос, — го-го-го-иги-иги-иги... а-а-а... ик-ик-ик... а-а-а... ик-ик-ик-го-го-го... о-о-о!

Понять, мужчина или женщина выводит сей набор бессмысленных звуков, было невозможно. Пение оказалось таким пронзительным, что у меня мигом заболела голова, а перед глазами замелькали черные пятна.

Маша встала и решительным шагом направилась к «тазику», который успел проглотить, в прямом смысле этого слова, детектив Миллады.

— Немедленно выключите то, что принесли, и избавьте нас от прослушивания сей мантры, — потребовал Феликс.

Но странная гостья никак не отреагировала на его слова. Она держала в руке телефон и безотрывно смотрела на экран. Мне стало не по себе. Лицо дамы вытянулось, заострилось, нос стал длиннее, а глаза больше.

— Го-го-го... иги-иги-иги, — звенело в комнате, — а-а-а... ик-ик-ик...

Маневин вскочил.

— Мы просили прекратить безобразие, но вы не внемлете нашим просьбам. Посему я сам провожу вас до двери. Любезная, прошу на выход. Ваше присутствие в нашем доме неуместно. Мы не приглашали к себе торговца бытовыми приборами.

Несмотря на то что у меня от головной боли смыкались веки, я улыбнулась. Мой муж никогда не теряет вежливости. Кто-то другой просто схватил бы непонятно откуда явившуюся дамочку за шиворот и вытолкнул бы ее вон без лишних слов. А Феликс никогда так не поступит.

Гостья задрожала.

— Вам плохо? — спросила я. — Сядьте скорей.

Особа, которая нагло вошла в нашу столовую, молчала. И тут раздался оглушительный звук выстрела. Я присела и прикрыла голову руками. Через секунду перед моими глазами появились две ноги в плотных черных колготках, они били пятками по полу. Противная мелодия стихла, вместо нее раздался голос Феликса: